УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-141-151

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ 1980–1990-Х ГГ.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

Маслов Д. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Целью является анализ некоторых вопросов теоретического характера, связанных с трансформацией сознания и поведения советского человека в условиях глубоких преобразований 1980–1990-х гг.

Процедура и методы. Приведён анализ взглядов отечественных и зарубежных исследователей, отражающих проблематику статьи. Применялись методы исследования: метод анализа (в т.ч. контент-анализ), диахронный метод, метод классификации, статистический и др.

Результаты. Сделаны выводы о значимости проанализированных аспектов трансформации советского человека под воздействием реформ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён актуальный научный материал по исследуемой теме. Автором обоснованы подходы к решению ряда теоретических вопросов эволюции сознания и поведения советского человека в условиях реформ.

Ключевые слова: советский человек, теория, общество, реформы, периодизация

SOVIET MAN UNDER THE CONDITIONS OF THE REFORMS OF 1980–90: THEORETICAL ISSUES

D. Maslov*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse theoretical issues related to transformation of the consciousness and behaviour of Soviet people under the conditions of massive reforms in 1980-90.

Methodology. The article analyses the views of Russian and foreign researchers on the problem under study using analytical (including content analysis), diachronic, classification and statistical methods.

Results. Conclusions are drawn about the significance of the analysed aspects of the transformation of Soviet people under the influence of reforms.

Research implications. The article generalizes the available scientific information on the topic under study. Approaches to solving a number of theoretical questions related to the evolution of the consciousness and behaviour of Soviet people under the conditions of reforms are substantiated.

Keywords: Soviet man, theory, society, reforms, periodization

Актуальность темы в контексте изучения реформ в современной отечественной истории

История человека на фоне реформ – едва ли не самый малоисследованный сюжет современной историографии. В полной мере это относится к ситуации с изучением преобразований в отечественной истории конца XX в. Данный пробел, отчасти восполняемый усилиями социологов, не может не привлечь также внимания историков, т.к. у последних свой интерес к этой проблеме. Связан он, прежде всего, с тем, что без понимания процессов, происходящих на уровне отдельного индивида, невозможно составить более полное и объективное представление о причинах, особенностях и результатах упомянутых реформ. По мнению современного исследователя, советский человек как социальный тип «стал важнейшим обстоятельством, блокирующим любые возможности изменений, трансформации социальных, политических или экономических отношений, а в настоящее время – и условием не просто консервации, а порой и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов. Именно этот тип человека противостоит общественным силам или группам, декларирующим приверженность к более гуманным формам общества – либеральным» [14, с. 266]. Мысль небесспорная, но встречающаяся нередко.

Теоретические аспекты историографии (концептуальная составляющая)

В отечественной обществоведческой литературе последних лет можно выделить две группы работ по интересующей нас проблематике. Первую составляют публикации социологов, которые в силу общественной значимости результатов их исследований первыми приступили к разработке темы ещё в годы «перестройки», когда на уровне государственной власти усилился запрос на понимание происходящих процессов в обществе,

переживающем бурные перемены. И хотя на том этапе интерес удовлетворялся в основном за счёт результатов социологических опросов, были начаты и первые проектные исследования темы эволюции советского человека. Наиболее длительным (начат в 1989 г. и продолжался в 2000-е гг.) и масштабным является исследовательский проект ВЦИОМ (затем – Левада-центра) «Советский простой человек», материалы которого неоднократно и в разных формах презентовались общественности [5; 11; 17].

Вторая группа исследований относится к исторической науке и представлена в основном публикациями по истории повседневности [1; 7; 8; 13]. Данные публикации посвящены изучению отдельных сторон жизни и практик советского человека в условиях реформ, но не ставят перед собой задачи составить целостное представление об эволюции индивида в условиях реформ.

Зарубежный исследователь Клаус Гества совсем недавно пришёл к выводу, что «невзирая на некоторые константы, способы мышления и образы жизни людей значительно менялись в потоке времени» и именно историки, по его мнению, призваны «дополнить эту картину» [3, с. 58] в отношении советского человека. Однако решение данной задачи связано с рядом трудностей, прежде всего теоретического характера, некоторым из них и посвящена данная статья. К таким проблемным вопросам можно отнести следующие: может ли советский человек рассматриваться как социальный тип? Существует ли периодизация процесса эволюции советского человека в условиях реформ? Каковы индикаторы эволюции человека от одного типа к другому? Ещё один, важный в теоретико-методологическом плане вопрос о селекции и репрезентативности источников по данной проблеме рассматривался автором в одной из недавних публикаций [12].

Начнём с научной правомерности выделения советского человека в особый со-

циальный тип. Даже в трудах советских обществоведов, введших в оборот эту категорию, содержались оговорки о невозможности подвести под «марку» советского человека всех живущих в СССР граждан. Известный в те годы исследователь данного вопроса Г. Л. Смирнов признавал, что «всякая попытка определить некоторые общие черты множества людей неизменно вызывает возражения. Однако ...никто из бравшихся за перо, чтобы писать о человеке, не ограничивался описанием лишь сугубо индивидуального, ... поскольку общее, типическое – в природе человека [16, с. 235]. Отвергая на словах нормативный подход к изучению советского человека как социального типа, Г. Л. Смирнов, как и большинство других советских обществоведов, фактически следовал именно такому подходу. Суть нормативного подхода в том, что в соответствии с ним принято выделять некие идеальные черты, которым такой человек должен соответствовать. К таким чертам упомянутый исследователь (как и многие его коллеги) относил приоритет общественных интересов над личными (оговаривая при этом, что личный интерес при социализме наиболее приближен к общественному); осознание труда на благо общества как высшего смысла жизни, способа утверждения собственного достоинства, развития своих способностей; принятие в качестве основных норм общения с другими людьми братства, коллективизма, интернационализма [16, с. 233].

Можно дискутировать, в какой мере данный набор черт советского человека соответствовал реальности. Начиная с периода горбачёвской «перестройки», он подвергся резкой и, как представляется, в чём-то чрезмерной критике. В пользу такого суждения свидетельствуют наблюдения автора данной статьи за тем, как уже в современной России отмечается явная ностальгия именно по перечисленным Смирновым ценностям, обширное представление о чём дают материалы соцсетей как вполне независимых источников.

В несветской и современной научной литературе единства в вопросе о выделении советского человека как типа нет. Представляется возможным выявить две группы подходов к проблеме выделения советского человека как особого типа.

Представителем первой группы можно считать А. А. Зиновьева, чьи труды по данной теме создавались ещё в советские годы. Этот до сих пор недооцененный у нас мыслитель ещё в 1970-е гг. отмечал условность категории «тип человека» в многомиллионном обществе, каковым являлось советское. Но и он не был против употребления данной категории в смысле наиболее часто встречающихся «комбинаторных возможностей» [9, с. 66]. Этим же исследователем и другими рассматривался и такой способ определения типа советского человека, как сравнение его с человеком западного общества. Такой подход к фиксированию типических черт советского человека состоит в применении сравнительного метода, смысл которого в этом случае состоит в том, чтобы определить черты искомого типа через его сопоставление с другими социальными типами человека, прежде всего, с человеком западным. Логичным выглядит использование такого подхода российскими эмигрантами, получившими возможность изучить оба типа на практике.

Зиновьев рассматривает советского человека через призму законов коммуналности, т.е. в аспекте принадлежности индивидов к социальным объединениям и проявлением ими социальных качеств. Такой исследовательский приём позволяет достичь типологизации изучаемого в данном исследовании объекта, что предполагает отвлечение от тех его свойств, которые для нашего исследования не выступают в качестве существенных.

В одной из своих самых известных книг на эту тему Зиновьев даже ввёл ставший широкоупотребительным термин для обозначения советского человека как человека нового типа – «гомо советикус»

(1981) и даже не очень благозвучное «гомосос». Если попытаться представить собирательный образ человека данного типа по Зиновьеву, то может получиться примерно следующее. «Гомо советикус» (далее «ГС») в своей жизни руководствуется не убеждениями, а стереотипами поведения. Зиновьев развенчивал имевшее место на Западе представление о том, что советский человек – существо оболваненное и запуганное. Советский человек – существо наднациональное. «ГС» гибок, ситуативен, психологически и интеллектуально пластичен. Советский человек вовсе не отличается двоемыслием, как об этом принято думать на Западе (и, добавим, в современной России тоже. – Д. М.): этот человек – коммунист не в смысле веры в «марксистские сказки», а в том плане, что родившись и проживая в коммунистическом обществе, не мог не впитать в себя его черты. Ему присуща категоричность и априорность суждений. Отрыв от коллектива – самая большая потеря для «ГС». Советский человек не настолько ценит свободу, как об этом принято думать на Западе. «ГС» негативно относится к внутренней оппозиции в СССР, т.к. её представители, по мнению советского человека, хотят улучшить свою жизнь за счёт других людей. Советский человек «приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ожидает ещё худшего, покорен распоряжениям властей». «ГС» есть продукт приспособления к конкретным социальным условиям, его нельзя изучать и понять вне привычной ему социальной среды. Неверно, по Зиновьеву, рассматривать советского человека ни как нравственного, ни как безнравственного: он может быть тем и другим, смотря по обстоятельствам [10, с. 131, 151, 158, 172, 175, 183, 191, 202, 246, 268, 310–312].

В трудах А. А. Зиновьева, а также в известной книге П. Вайля и А. Гениса обращает на себя внимание подход, суть которого в том, что советский человек –

это, прежде всего, совокупность типичных предсказуемых реакций на те или иные ситуации. Предсказуемость таких реакций обусловлена тем, что, прожив длительное время в советском обществе, человек «впитывает» в своё сознание механизмы реагирования на происходящее вокруг него, даже если эти механизмы расходятся с его ценностями и идеалами. Это своеобразное поле идеологического воздействия А. А. Зиновьев обстоятельно описал в целом ряде своих книг. Человек подвергается такому воздействию независимо от своей воли и желания. И, что показательно, – в этом смысле советским является самый антисоветски настроенный и даже вырванный из привычной среды советского общества индивид. Зиновьев убедительно показал это на примере советской эмиграции доперестроечного времени. Как только в этой эмиграции складывались какие-либо группировки, они тут же начинали действовать вполне «по-советски»: здесь устанавливалась своя иерархия, выдвигались «вожди», разрабатывались некие программы достижения «всеобщего счастья»; проводились собрания, очень напоминавшие партийные; даже стиль общения поразительно напоминал соответствующие аналоги советского общества. Вайль и Генис (люди, отнюдь не восторгавшиеся советским строем) поведали, в свою очередь, о том, как в диссидентских сообществах в самом СССР составляли списки не только тех, кто поддерживал невинно осуждённых режимом, но и списки тех, кто отказался подписываться! Упомянутые авторы также пишут о выделении в диссидентской среде «звёзд инакомыслия»; о возникновении в ней иерархии, в рамках которой важно было не *что* написано, а кем написано [2, с. 213].

Специалисты Левада-центра хотя и оговорили, что есть сложности в идентификации советского человека (в т.ч. и связанные с источниками репрезентативной информации), все-таки также пришли к выводу о советском человеке как реаль-

но существовавшем и отчасти существующем и поныне типе. Приведём далее пространную цитату, отражающую их представления о сущности данного типа. Итак, советский человек – «человек, адаптировавшийся к репрессивному государству и научившийся жить с ним... Это человек, идентифицирующий себя с государством, имперский, но в то же время понимающий, что государство всё равно его обманывает, эксплуатирует, что это система насилия, и поэтому надо уходить от контроля. Это человек лукавый, двоемысленный, постоянно чрезвычайно насторожённый, потому что вся жизнь его сопровождается системой принуждения и насилия, прошедший через невероятную ломку и мясорубку. Поэтому это довольно циничный человек, доверяющий только самым близким, с очень короткой дистанцией, недоверчивый, боящийся новых людей. И в то же время внутренне агрессивный, астеничный, не способный на длительные усилия, а готовый и склонный к такому импульсу, рывку. Чаще всего это, конечно, идеологическая проекция... Но по сути своей человек советский ориентирован исключительно на физическое выживание. То есть озабочен благополучием прежде всего своим, своей семьи, своих близких. Тут не возникает моральных отношений, если под моралью понимать то, что понимается европейской культурой... Это совершенно другая конструкция морали, которая неизвестна здесь у нас. По крайней мере, в массе это абсолютно не характерно. И для человека лукавого, лицемерного, советского никакой морали не возникает» [5]. Указывались также такие черты, как исключительность (представление о советском человеке как уникальном феномене), государственно-патерналистские устремления, эгалитаризм, имперскость [17, с. 13 и далее].

Вторая группа исследователей не приемлет самой возможности рассуждать о советском человеке как о каком-то особом типе. Упомянутый выше К. Гества

полагает, что большинство имеющихся сегодня текстов по данной теме «постулируют некий антропологический тип, вмещающий при этом представление о его гомогенности, что не соответствует многообразию и открытости человеческого и общественного развития в СССР и его государств-наследников. Изучая вопрос глазами историка, Гества полагает, что само использование собирательного понятия «советский человек» «всегда составляет проблему для историка, потому что сокрытыми оказываются многообразие, текучесть и открытость общественного развития. Сколь бы фундированными эмпирически и выразительными литературно ни были исследования о *homo sovieticus*, связанному с ними пониманию общества и образу человека присущ редуccionизм и детерминизм» [3, с. 75].

По нашему мнению, согласиться с данным суждением можно лишь отчасти. Ведь сам факт длительного совместного проживания и взаимодействия больших групп людей не может не порождать определённого набора общих черт, которые и дают исследователям основание говорить о складывании социального типа личности. Естественно при этом, что каждый отдельно взятый представитель того или иного социального типа обладает набором специфических, присущих только ему или его социальной группе черт. Тем более это актуально для СССР (России), с разнообразием его населения. Вопрос, таким образом, не в том, могут ли существовать такие типы в принципе, а в том, к какому моменту оформляются их основные черты, как и под влиянием чего они трансформируются в дальнейшем.

Тем самым мы выходим на ещё один вопрос, связанный с дискуссиями о советском человеке – это проблема периодизации процесса эволюции данного социального типа, соотношение этой периодизации с периодизацией реформ в целом.

От «homo soveticus» к «homo economicus»: этапы трансформации

В советском обществознании эти варианты периодизации в целом отождествлялись [16]. При таком подходе очередной этап в историческом развитии советского общества являлся одновременно и вехой в эволюции советского человека, обретении им новых черт и качеств, формируемых под влиянием изменения общественных условий. Хотя при этом и делались оговорки о некотором отставании общественного сознания граждан от их общественного бытия, они всё же рассматривались в русле концепции пережитков «проклятого капиталистического прошлого».

С позиций современного обществознания такой подход представляется явно недостаточным. Источники личного происхождения свидетельствуют, что, во-первых, трансформация сознания советского человека в сторону ценностей информационного общества началась до 1985 г. [см., напр.: 18, с. 578-584]. Старт этой трансформации определялся многими факторами и не может быть привязан лишь к приходу к власти горбачевской команды реформаторов.

Во-вторых, рубеж 1991 г., которым обычно обозначают завершение горбачевской «перестройки», также не является сколько-нибудь показательным для эволюции сознания советского человека. Произошедший в том году распад СССР (как самое знаковое событие года) лишь в последующие годы стал восприниматься многими как общественная и личная драма. Непосредственно в момент распада (декабрь 1991 г.) многие люди восприняли созданное СНГ как вариант продолжения СССР, либо, задавленные грузом сиюминутных проблем, просто были не в состоянии реагировать на события, выходящие за рамки их непосредственного социального кругозора. При этом гораздо большее значение советские люди придавали вопросам своей адаптации к

неумолимо надвигающимся рыночным отношениям, т.е., говоря проще, удовлетворению базовых потребностей. А такая адаптация началась ещё до вступления России в январе 1992 г. в стадию рыночных реформ. О завершении же процесса адаптации россиян к рыночным отношениям говорить не приходится и до сих пор. И это несмотря на то, что Россия уже почти тридцать лет живёт в условиях рынка. Естественно, что число россиян, приспособившихся или даже преуспевающих в рыночной среде, постоянно растёт. О примерах успешных индивидуальных траекторий сегодня говорят и пишут исследователи [6, с. 91-125]. Вопрос в том, насколько велик процент таких граждан в общей массе россиян? Кроме того, при выявлении результатов трансформации мы сталкиваемся с парадоксом, суть которого в том, что даже вполне адаптировавшиеся к рынку индивиды продолжают мыслить патерналистскими категориями. Немалая часть тех, кто в целом вписался в рынок, по наблюдениям автора, сожалеет об ослаблении государства в 1990-е гг., упрекает государство в отсутствии поддержки и т. п. [15, с. 70].

Специалисты Левада-центра с середины 1990-х гг. поставили под сомнение собственный же более ранний вывод о завершении трансформации советского человека из «homo soveticus» в направлении «homo economicus» и эмпирически неоднократно фиксировали сохранение основных черт советского человека в современном россияnine [11].

Таким образом, периодизация эволюции человека под воздействием реформ не может полностью совпадать с периодизацией самих реформ в силу разной скорости протекания и различия в характере данных процессов. В отличие от периодизации реформ, для которой, как правило, находятся достаточно яркие события в качестве хронологических рубежей, такого же рода факты применительно к общественному сознанию для периода «перестройки» едва ли можно назвать.

Так перед исследователями встаёт вопрос о социальных фактах – индикаторах завершенности процесса социальной эволюции.

От «*homo soveticus*» к «*homo economicus*»: постановка проблемы индикации процесса

Эту проблему по-своему ставили ещё советские обществоведы. Они шли «от обратного», обнаруживая в советском человеке несовместимые с коммунистическими черты. Их сохранение объяснялось как неизбежным отставанием общественного сознания от общественного бытия, так и тем, что известно в литературе под заголовком «родимые пятна», «пережитки» досоветского прошлого [16, с. 303]. Но если советские обществоведы исходили из необходимости и возможности преодоления таких пережитков, то современная наука рассматривает их как комплекс поведенческих реакций, частично действительно изживаемых, а частично в преобразованном виде обнаруживаемых в человеке нового типа.

Применительно к советскому человеку это означает, что переход от «*homo soveticus*» к «*homo economicus*» и не мог означать полное отрицание черт советского человека. Хотя именно этого, судя по всему, ожидала некоторая часть нашей интеллектуальной элиты. Иначе чем объяснить удивление исследователей Левада-центра в 1990-е гг., вопреки своим ожиданиям обнаруживших, что советский человек «скорее жив, чем мертв» [11]. Таким образом, вопрос состоит не в том, чтобы дождаться того момента, когда от советского человека в россиянина ничего не останется (это невозможно), а в том, чтобы придать статус научных тем фактам нашей современной социальной жизни, которые означают определённый перелом в сознании и поведении россиянина в пользу новых ценностей. Несмотря на свою известность, эти факты не стали предметом исследовательского внимания (в интересующем нас аспекте) – в силу, прежде всего, методоло-

гической неразработанности вопроса. До сих пор индикация эволюции советского человека в условиях реформ конца XX в. строится на данных соцопросов, в целом на использовании инструментария социологической науки. При этом сами же социологи справедливо отмечают изъяны данной методологии. Достаточно упомянуть хотя бы то, что мнения людей об одном и том же предмете их собственной жизни со временем подвержены изменениям и отражают порой не само событие этой жизни, а его восприятие в зависимости от изменения текущей ситуации. Сказанное, конечно, не означает сомнения в необходимости использования социологических методов. Однако в данной статье автор хочет обратить внимание на индикаторы эволюции сознания и поведения советского человека, которые объективны по своей природе.

Учитывая, что переход к «*homo economicus*» предполагает прежде всего адаптацию к жизни в рыночной среде, представляется, что такими индикаторами могут считаться показатели деловой активности населения, в целом не характерные для советского человека и проявлявшиеся до «перестройки» нередко в нелегальных и полулегальных формах.

Полагаем, что в данном случае считать надо не только численность предпринимателей в современной России. Во-первых, потому, что понятие деловой активности шире предпринимательства. Во-вторых, ясно, что даже в обществах с давними традициями рыночных отношений далеко не все являются бизнесменами. При этом собственно предпринимателей в России, по одним данным 2010 г., насчитывалось около 6 млн. человек (6,63% всего трудоспособного населения). Но показательно, что по состоянию на 2012 г. в российской экономике насчитывалось 23,5 млн. человек, занятых неизвестными для государства видами экономической деятельности [4, с. 84–86]. Т.е. фактически речь идёт о тех, кто сумел найти какую-то нишу (в подавляющем большинстве в сфере услуг)

и обеспечивал себя самостоятельно, без участия государства, а зачастую и втайне от него. Это треть трудоспособного населения! Понятно, что многие из этих граждан едва ли сумели заметно разбогатеть, но для нашей темы важно то, что немалая их часть без «подсказки» (а нередко и вопреки политике государства) сумела занять некую нишу, гарантирующую определённый уровень материальной обеспеченности. К тому же едва ли возможно было ожидать, что большая часть россиян выбьется в олигархи.

Ещё один индикатор перехода от «homo soveticus» к «homo economicus» можно обнаружить в практически неоспариваемом факте складывания в современной России общества потребления. Активное освоение россиянами роли потребителей немало критикуется частью нашей интеллектуальной элиты за отход от наших традиционных ценностей, но сама эта критика (независимо от того, как её воспринимать) и есть очевидное доказательство адаптации к рынку всё большей части россиян. А тот факт, что данное явление в большей степени относится к молодёжи, свидетельствует о закреплении тенденции на будущее.

В литературе обращается внимание и на такой вполне очевидный индикатор трансформации советского человека, как изменение трудовой этики. Все большее число россиян (нередко в нарушение трудового законодательства) переходят на более продолжительный режим рабочего дня [4, с. 205–207]. Безусловно, в этом есть и элемент вынужденности в условиях невысоких зарплат. Но подобная трудовая этика характерна и для немалого числа тех, кто уже обеспечил себе вполне приемлемый материальный уровень. Таким образом, в российском обществе укрепляется осознание того, что именно от собственных трудовых усилий зависит уровень индивидуального благосостояния. Конечно, подобный «трудоголизм» зачастую негативно сказывается на здоровье граждан, снижает планку их духов-

ных запросов, обедняет досуг и т. д. Но в контексте нашей темы важно, что такое явление существует объективно. Впрочем, в данном случае проявляется и рецидив прежнего отношения к труду. Суть его в том, что часть граждан, имеющая возможность заработать больше, предпочитает этого не делать, сохраняя за собой дополнительные варианты более «приятного» времяпровождения.

Таким образом, задача не состоит в том, чтобы обнаружить как можно больше подобных индикаторов трансформации «homo soveticus» в «homo economicus». Необходимо более внимательно отнестись к уже известным и общепризнанным фактам нашей жизни, которые при методологически правильном подходе к ним позволяют обнаружить значимые тенденции эволюции советского человека.

Заключение

Перейдём к выводам. Проведенный анализ даёт основания признать возможным использование в научной литературе категории «советский человек» для обозначения особого социального типа. При этом более перспективным представляется не нормативный подход к определению сущности данного типа, а подход, в соответствии с которым советский человек рассматривается через совокупность поведенческих реакций на типичные социальные ситуации.

Также в статье установлено, что периодизация процесса эволюции советского человека в условиях реформ не может полностью совпадать с периодизацией самих реформ. Предложенные в статье индикаторы хода процесса социальной эволюции советского человека представлены в порядке дискуссии, в процессе которой могут быть приведены и иные показатели эволюции советского человека. Данный перечень (как и любой другой) не может, естественно, считаться закрытым.

Статья поступила в редакцию 21.05.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М.: Академический проект; Трикста, 2017. 704 с.
2. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: Corpus, 2018. 432 с.
3. Гества К. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. 2018. № 1-2. С. 58–75.
4. Горянин А., Ягодинцев Д. Бог любит Россию. Великие годы 1989–2014. Преодоление утопии. М.: Рипол-классик, 2016. 256 с.
5. Гудков Л. Д. Для советского человека никакой морали не существует [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2016/04/11/pochemu-v-sovremennoj-rossii-vosproizvoditsya-sovetskij-tip-cheloveka/> (дата обращения 24.04.2019).
6. Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / сост. Е. Г. Ясин; отв. ред. Н. М. Плискевич. М.: Социум, 2019. 508 с.
7. Захарченко А. В., Кирдяшев М. С., Панкеева К. В. На заре «эпохи 1990-х»: общественные настроения жителей Куйбышевской области в 1990–1991 гг. в контексте социальной истории России // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 263–270.
8. Захарченко А. В. Отражение повседневных практик в общественных настроениях 1990-х гг. (на материалах Самарской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 378–381.
9. Зиновьев А. А. Затея. М.: Центрполиграф, 2000. 555 с.
10. Зиновьев А. А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. М., 1991. 320 с.
11. Левада Ю. А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. 526 с.
12. Маслов Д. В. Человек и реформы в современной отечественной истории (к проблеме репрезентативности источников личного происхождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 73–85.
13. Никифоров Ю. С., Сироткин Я. Н. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 216–221.
14. Рагозин С. А. «Человек советский» в условиях трансформации современного российского общества // Master's journal. 2015. № 2. С. 262–276.
15. Сергеева А. В. Русские: как мы изменились за 20 лет? М.: Флинта; Наука, 2015. 432 с.
16. Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат, 1973. 415 с.
17. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х годов / Ю. А. Левада (рук. авт. колл.), А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. Г. Левинсон, Л. А. Седов. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
18. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. / под ред. В. В. Журавлева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.

REFERENCES

1. Belovsky L. V. *Povsednevnyaya zhizn' cheloveka sovetskoi epokhi. Predmetnyi mir i sotsial'noe prostranstvo* [Everyday life in the Soviet era. Objects world and social space]. Moscow, Academic project, Trixta Publ., 2017. 704 p.
2. Vayl P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60's. The world of the Soviet man]. Moscow, AST, Corpus Publ., 2018. 432 p.
3. Gestva K. [Soviet man. History of a collective concept]. In: *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion], 2018, no. 1-2, pp. 58–75.
4. Goryanin A., Yagodinets D. *Bog lyubit Rossiiu. Velikie gody 1989–2014. Preodolenie utopii* [God loves Russia. The great years 1989–2014. Overcoming utopia]. Moscow, Ripol Classic Publishing House Publ., 2016. 256 p.
5. Gudkov L. D. *Dlya sovetskogo cheloveka nikakoi morali ne sushchestvuet* [For the Soviet man no morality exists]. Available at: <https://www.levada.ru/2016/04/11/pochemu-v-sovremennoj-rossii-vosproizvoditsya-sovetskij-tip-cheloveka/> (accessed: 24.04.2019).
6. Yasin E. G., comp.; Pliskevich N. M., ed. *Devyanostye – gody tyagot, nadezhd i svershenii* [Nineties - years of hardships, hopes and achievements]. Moscow, Socium Publ., 2019. 508 p.

7. Zakharchenko A.V., Kirdyashev M.S., Pankeeva K.V. At the dawn of the «epoch of the 1990s»: public attitudes of the Kuibyshev region residents in 1990–1991 in the context of the social history of Russia. In: *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara scientific bulletin], 2018, vol. 7, no. 4 (25), pp. 263–270.
8. Zakharchenko A.V. [Reflection of everyday practices in public attitudes in the 1990s (based on the studies of the Samara region)]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 20, no. 3 (2), pp. 378–381.
9. Zinoviev A. A. *Zateya* [The idea]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000. 555 p.
10. Zinoviev A. A. *Moi dom – moya chuzhbina. Gomo soveticus* [My home – my foreign land. Homo Sovieticus]. Moscow, 1991. 320 p.
11. Levada Y. A. *Sochineniya: problema cheloveka* [Essays: the problem of man]. Moscow, Publisher Karpov E.V. Publ., 2011. 526 p.
12. Maslov D.V. [Man and reforms in modern Russian history (on the problem of representativeness of sources of personal origin)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political science], 2019, no. 4, pp. 73–85.
13. Nikiforov Y.S., Sirotkin Y.N. Complaints of Soviet citizens as a cultural phenomenon of the late socialism era. In: *Verkhnevolzhsky philological bulletin* [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 2019, no. 4 (19), pp. 216–221.
14. Ragozin S. A. [«The Soviet Man» in the conditions of transformation of modern Russian society]. In: *Master's journal*, 2015, no. 2, pp. 262–276.
15. Sergeeva A.V. *Russkie: kak my izmenilis' za 20 let?* [Russians: how have we changed in 20 years?]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2015. 432 p.
16. Smirnov G. L. *Sovetskii chelovek. Formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [The Soviet man. The formation of a socialist type of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1973. 415 p.
17. Levada Y. A. (head), Golov A. A., Grazhdankin A. I., Gudkov L. D., Dubin B. V., Levinson A. G., Sedov L. A. *Sovetskii prostoi chelovek. Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 1990-h godov* [Soviet common man. A social portrait at the turn of the 1990s]. Moscow, World Ocean Publ., 1993. 300 p.
18. Zhuravlev V. V., ed. *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa KhKh v. : v 4 t. T. 4: 1917–1991 gg.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the twentieth century: in 4 vol. Vol. 4: 1917–1991]. Moscow, Political encyclopedia Publ., 2016. 671 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)», № 18-09-00063а.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for fundamental research: Project “From Soviet Man to the Russian: Reforms and the Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)”, no. 18-09-00063a.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy V. Maslov – Dr. Sci. (History), senior lecturer, Professor, Department of Russian Contemporary History, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д. В. Советский человек в условиях реформ 1980–1990-х гг.: теоретические вопросы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 141–151.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-141-151

FOR CITATION

Maslov D. V. Soviet Man Under the Conditions of the Reforms of 1980–90: Theoretical Issues. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 141–151.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-141-151